2207

Сергей Сергеевич НАРОВЧАТОВ

Советская литература понесла большую утрату. 22 июля на 62-м году жизни после тяжелой, продолжительной болезни скончался видный советский писатель и общественный деятель, депутат Верховного Совета РСФСР, Герой Социалистического Труда, секретарь правления Союза писателей СССР, главный редактор журнала «Новый мир» Сергей Сергеевич Наровчатов.

Сергей Сергеевич Наровчатов родился 3 октября 1919 года в г. Хвалынске Саратовской области. Он принадлежал к писателям фронтового поколения Великой Отечественной войны. Со студенческой скамьи С. С. Наровчатов ушел добровольцем защищать Родину, проявил себя стойким бойцом и мужественным военным журналистом.

Более сорока книг стихов и поэм, литературоведческих исследований, очерков и рассказов, сборников воспоминаний — «Костер», «Священная война», «Фронтовая радуга», «Солдаты свободы», «Мы входим в жизнь» и многие другие — принесли С. С. Наровчатову широкое признание и любовь советских и зарубежных читателей.

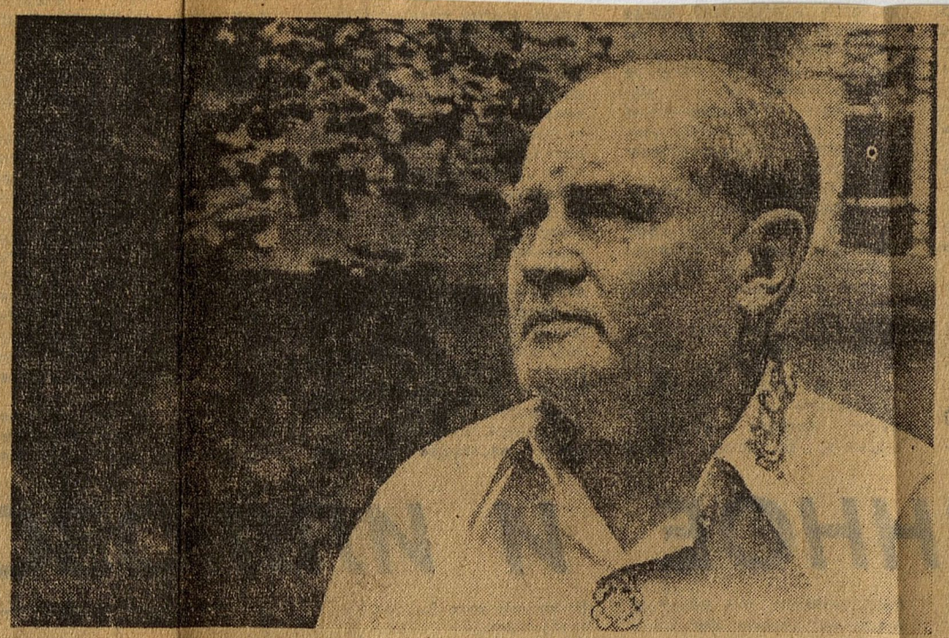
Все творчество С. С. Наровчатова — образец неустанного служения делу Коммунистической партии, советского народа, родной литературе. Оно проникнуто духом партийности, беззаветного служения Родине, глубокого лиризма. Его произведениям присущи высокая культура, широта эрудиции, взыскательность ученого и художника. Своим самобытным талантом, мастерством и трудолюбием С. С. Наровчатов внес большой вклад в развитие советской многонациональной литературы. Много сил и энергии С. С. Наровчатов отдавал воспитанию творческой молодежи.

С. С. Наровчатов избирался членом МГК КПСС, депутатом Верховного Совета РСФСР, секретарем правлений Союза писателей СССР и РСФСР, возглавлял Московскую писательскую организацию, являлся членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям при Совете Министров СССР, членом Советского комитета защиты мира.

Партия и правительство высоко оценили боевые подвиги и творческие достижения С. С. Наровчатова: он был удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медалями. За поэму «Василий Буслаев» ему была присуждена Государственная премия РСФСР им. М. Горького.

Светлая память о писателе-коммунисте, прекрасном художнике, человеке большой души Сергее Сергеевиче Наровчатове навсегда сохранится в сердцах советских людей.

Л. И. БРЕЖНЕВ, Ю. В. АНДРОПОВ, М. С. ГОРБАЧЕВ, В. В. ГРИШИН, А. А. ГРОМЫКО, А. П. КИРИЛЕНКО, А. Я. ПЕЛЬШЕ, М. А. СУСЛОВ, Н. А. ТИХОНОВ, Д. Ф. УСТИНОВ, К. У. ЧЕРНЕНКО, П. Н. ДЕМИЧЕВ, В. В. КУЗНЕЦОВ, Б. Н. ПОНОМАРЕВ, М. С. СОЛОМЕНЦЕВ, И. В. КАПИТОНОВ, В. И. ДОЛГИХ, М. В. ЗИМЯНИН, К. В. РУСАКОВ, В. Н. МАКЕЕВ, М. А. ЯСНОВ, В. Г. АФАНАСЬЕВ, А. А. ЕПИШЕВ, С. Г. ЛАПИН, Б. И. СТУКАЛИН, Е. М. ТЯЖЕЛЬНИКОВ, В. Ф. ШАУРО, Б. Н. ПАСТУХОВ, В. И. КОЧЕМАСОВ, Е. К. ФЕДОРОВ, А. М. РОГАНОВ, Г. М. МАРКОВ, С. А. АЗИМОВ, Ч. АЙТМАТОВ, М. Н. АЛЕКСЕЕВ, А. А. АНАНЬЕВ, Т. АСКАРОВ, С. А. БАРУЗДИН, А. А. БЕЛЯЕВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, П. П. БОЦУ, Ю. Н. ВЕРЧЕНКО, Р. Г. ГАМЗАТОВ, Н. М. ГРИБАЧЕВ, Н. В. ДУМБАДЗЕ, П. А. ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ, М. А. ИБРАГИМОВ, Е. А. ИСАЕВ, М. КАНОАТОВ, В. В. КАРПОВ, В. М. КОЖЕВНИКОВ, Ф. Ф. КУЗНЕЦОВ, Т. КУРБАНОВ, П. А. КУУСБЕРГ, Л. М. ЛЕОНОВ, А. М. МАЛДОНИС, С. В. МИХАЛКОВ, Д. МУЛДАГАЛИЕВ, В. М. ОЗЕРОВ, В. А. ПЕТРОСЯН, Г. Р. ПРИЕДЕ, С. В. САРТАКОВ, Е. И. СКУРКО (М. ТАНК), А. А. СУРКОВ, А. Б. ЧАКОВСКИЙ, А. Н. ЧЕПУРОВ, М. А. ШОЛОХОВ



Снимок сделан в дни работы VII съезда писателей СССР. Фото **В. КРОХИНА**

Сергей НАРОВЧАТОВ: «...ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ»

«Ныне здравствующие и уже ушедшие, это люди, бесконечно преданные своему призванию, истинные коммунисты, доказавшие и на полях сражений, и своей творческой деятельностью, что идеалы молодости достойно пронесены ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ» — так говорил о писателях своего поколения Сергей Наровчатов в публикуемой сегодня беседе.

Запись этой беседы была сделана сразу после VII съезда писателей СССР. Сергей Сергеевич Наровчатов охотно согласился принять участие в нашей рубрике «Литература — жизнь моя». Потом он уехал в Коктебель, и туда редакция отправила ему гранки. Он прочитал их, внес поправки — это, видимо, была его последняя работа, последнее, к чему прикоснулась его рука...

Он знал, что материал планировался в номер от 29 июля, и, несмотря на нездоровье, стремился сделать все от него зависящее, чтобы редакция вовремя получила завизированный им текст.

КАК РАДОСТНО было, вступив под своды Большого Кремлевского дворца, увидеть лица многих и многих друзей — писателей, съехавшихся в Москву. В наш торопливо бегущий век встречи и беседы с товарищами, живущими вдалеке от столицы, к сожалению, случаются все реже, да и я нечасто отрываюсь от рабочего стола. Поэтому так важна была наша встреча и с человеческой, а не только с творческой стороны. Недавно завершившийся VII съезд писателей СССР еще долго будет предметом обсуждения всех литераторов страны, так как съезду удалось, на мой взгляд, нащупать самые главные «болевые точки» текущего литературного процесса, сказать о них прямо и откровенно. Дух сотворчества, дух единомыслия царил и в зале Большого Кремлевского дворца, и в его кулуарах, и во время работы творческих комиссий. Мне было необычайно интересно встретиться с давними друзьями — поэтами братских республик, услышать вновь их голоса, ощутить тепло рукопожатия. Однако наши беседы не были спокойными и идиллическими — по-прежнему скрещивались копья в спорах, горячо отстаивались взгляды на поэзию, на литературу вообще, на роль писателя в современном мире.

В своем обстоятельном докладе Г. Марков подчеркнул, что необходим общий подъем лирической поэзии, проникнутой активным гражданским пафосом, откликающейся на все события и явления современной жизни, страстно и убежденно несущей людям правду нашего века. И хочется воскликнуть: вперед, к Маяковскому! Нельзя забывать его уроки — уроки гениального мастера, который безгранично расширил и углубил выразительные возможности стиха. Маяковский всегда будет образцом того, как укрупняются личность и творчество художника, посвятившего себя служению высокой идее.

Я НЕ ОТНОШУСЬ к числу тех, кто считает, что в поэзии ныне период затишья, что она напоминает ровную лужайку, над которой безмятежно голубое небо. Убежден, что все без исключения поэтические жанры продолжают развиваться. Может быть, этот процесс не столь эффектен внешне, как это было, скажем, лет двадцать назад, — он стал глубинным, скрытым от поверхностного взгляда, но несомненно, что и мастера старшего поколения, и послевоенное племя, и молодежь ищут свои непростые и нелегкие средства разговора с читателем. Поэт — это судьба, и в этом отношении поэтам моего поколения было всего отпущено полной мерой. А сейчас порой некоторые из молодых словно бы сетуют на недостаток жизненных испытаний. Но помилуйте, ведь от человека зависит, как сложится его путь. Я не призываю всех оставлять дом и бросаться в поисках тем на строительство БАМа или КамАЗа, однако же не в кулуарах ЦДЛ скрыт источник вдохновения. Очень непросто сказать свое слово о времени, о человеке, для этого нужен и запас пережитого, и сердце, умеющее откликаться на боль другого сердца (не говорю о наличии одаренности, это разумеется само собой). Но нужно еще и нечто большее: мировоззрение, идея, если хотите. Только поставив себя на службу высокой идее, творческий человек может достичь результата, то есть создать нечто, отвечающее ожиданиям читателя.

Мировоззрение формируется годами, могут возразить мне. Что ответить на это? Действительно, разве не в раннем детстве закладываются в каждом основы основ? Слово матери и поступок отца, прочитанная книга и рассказ учителя — все впитывает восприимчивая детская душа, все оставляет в ней отпечаток. Неуследимо складывается характер, определяются привязанности, склонности личности, и в этом процессе неоценимую роль играют литература и искусство. В мою жизнь с детства вошли стихи Лермонтова. Запоминались они будто сами собой, подчиняя меня, какому-то завораживающему чувству. Лермонтовские строки сопровождали нас в юности, они звучали в ифлийском и литинститутском общежитии, их повторял под Москвой наш политрук, поднимая бойцов в атаку. И недаром последними сохранившимися строками моего погибшего друга Михаила Кульчицкого были: «Не до ордена. Была бы родина с ежедневными Бородино».

Молодому поэту необходимо прочесть огромное количество книг, знать наизусть поэтические шедевры всей мировой литературы. Но не менее важно иметь возможность посоветоваться со старшим, которому ты доверяешь, чей вкус и опыт служат порукой справедливости его суждений. Такими людьми для нас, студентов предвоенных лет, были Тихонов и Сельвинский, Асеев и Луговской, Маршак и Антокольский, Светлов и Прокофьев... Мы жадно учились — у классиков, у старших современников, друг у друга. Судили о написанном без всяких скидок на приятельские отношения, на наших диспутах летели «пух и перья». Майоров и Коган, Луконин и Кульчицкий, Отрада и Гудзенко, Слуцкий и Самойлов, Воронько и Глазков, Молочко и Львовский — всех не перечислить, но все мои товарищи, беззаветно влюбленные в поэзию, не были оторваны от земли. Мы ощущали приближение великого испытания, готовили себя к нему, и когда оно пришло, встретили его мужественно, как подобало. На дорогах войны мы нашли новых друзей. Среди них Суворов и Дудин, Орлов и Недогонов, Львов и Замятин, Максимов и Субботин, Межиров и Соболь. Ныне здравствующие и уже ушедшие, это люди, бесконечно преданные своему призванию, истинные коммунисты, доказавшие и на полях сражений, и своей творческой деятельностью, что идеалы молодости достойно пронесены через всю жизнь.

Невероятно, невозможно вообразить, чтобы кто-нибудь из наших ребят обивал пороги журналов и издательств в надежде «протолкнуть» что-то из того, что казалось незавершенным, не достойным публикации. Должен с грустью отметить, что среди наших младших коллег встречаются люди, всеми правдами и неправдами стремящиеся «предать тиснению» свои скромные труды. Средства, используемые ими для достижения поставленных целей, далеки от того, чтобы именовать их честными. Дивишься изобретательности, проявляемой в борьбе за место под солнцем, — здесь и рекомендательное письмо от маститого писателя (лишь равнодушием можно объяснить их появление), и напоминание об известном постановлении ЦК КПСС (как будто оно касается не только талантливых людей!), и угрозы пожаловаться выше... Чего греха таить, иным пробивным молодцам удается опубликовать свои вирши, а уж если, не дай бог, выйдет книга, то держись — следующей целью будет вступление в Союз писателей. Кстати, об этом зле тоже немало говорилось на нашем съезде. Рецепт, по-моему, должен быть один: всемерно повысить требовательность, закрыть все лазейки для проникновения «деловых людей» в литературу, а моим коллегам не так охотно откликаться на просьбы посодействовать в публикации. Должна же существовать цеховая гордость, должен ведь поддерживаться определенный уровень, ниже которого опускаться в восьмидесятые годы XX века просто неприлично!

Разве не охватывает иногда чувство стыда, когда читаешь так называемую «поэтическую подборку» в уважаемом журнале или газете? Чего тут только не встретишь — и спекуляция на любви к Родине, и в тысячный раз перепетые мотивы тоски и разлуки, и суперсовременный индустриальный пейзаж либо даже космический... Все будто зарифмовано грамотно, уложено в соответствующую форму. Придраться трудно, а на самом деле — никому не нужная белиберда!

ЛИТЕРАТУРА стала моей жизнью с самых юных лет. Ей я отдаю все, что отпущено мне природой, все, что накоплено благодаря постоянному стремлению читать, учиться, отыскивая прекрасное и полезное среди созданного великими творцами всех стран и народов.

Многим, наверно, хорошо знакомо счастливое чувство, переживаемое всякий раз заново, — встретилась глубокая мысль, задела точная, в сердце проникающая строка... Как важно не растерять это умение восхищаться огромным богатством, которым мы по праву владеем! И как радостно мне бывает, когда на мой редакторский стол в журнале «Новый мир» ложится талантливое произведение, которое при нашем посредничестве вскоре станет достоянием любителей словесности!

Круг читателей журнала широк и постоянен, он формировался годами, и мы в своей работе не можем не принимать во внимание, на кого рассчитано то или иное произведение. Меня как-то спросили: могу ли я в нескольких словах охарактеризовать лицо журнала? Я ответил тогда, что как не спутаешь материалы, публикуемые «Нашим современником» или «Юностью», так можно узнать и новомирскую прозу. Трудно выделить какие-то ее особенности — пожалуй, это повышенный интерес к жизни человеческой души, пристальное внимание к тому, как складываются в современном мире взаимоотношения личности и общества.

Не буду преуменьшать трудности редакционной работы. Многие писатели крайне неохотно идут на изменения в тексте публикуемых произведений, хотя бы это диктовалось необходимостью. Ссылки на Некрасова и его соратников, по советам которых Тургенев перерабатывал своего «Рудина», и Салтыкова-Щедрина, производившего жестокую правку рукописей, не помогают. «То было в XIX веке, — отмахивается самолюбивый автор, — а сейчас конец XX». Вот поди и спорь с таким товарищем...

Более охотно принимаются сокращения. Это так называемые журнальные варианты романов и повестей. Каждый раз, естественно, нужно доказывать что вещь от этого не теряет в значительности, а выигрывает в лаконичности.

В последнее время хорошо был принят читателями роман Ч. Айтматова «И дольше века длится день». Споры вызвал роман В. Орлова «Альтист Данилов», встреченный публикой и критикой с интересом, перешедшим в горячие дискуссии. Не могу не назвать имена Ф. Абрамова, Д. Гранина, молодого талантливого В. Крупина, И. Грековой, Б. Васильева...

ПОСЛЕ своих новелл «Абсолют» и «Диспут» я получил много читательских писем. В них содержались и критические замечания, и приятные автору оценки, и просьбы продолжать работу в исторической прозе. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить моих корреспондентов и сказать несколько слов по поводу этой своей работы.

Я не случайно обратился к временам столь отдаленным. Интерес к истории, с годами все углубляющийся, заставлял меня вновь и вновь перечитывать труды Соловьева, Ключевского, Костомарова, Татищева, «Летописи» и т. д. Меня волновали судьбы русского абсолютизма. Мне хотелось попробовать восстановить «картинки из жизни» разных эпох, с тем чтобы на небольшом литературном пространстве создать модель взаимоотношений некогда реально существовавших исторических лиц. Симпатия, с которой отнеслись к моей работе мои товарищи и незнакомые люди, поддерживает меня в стремлении продолжать работу в этом жанре. Сейчас собираю материалы к рассказу, условно названному «Янус», — речь в нем пойдет о событиях XVII века, о притязаниях на русский престол...

Насколько я знаю, интерес к истории страны, судьбе своего народа отличает писателей не только России, но и всех братских республик. Это естественно — наша историческая эпоха, общество зрелого социализма хочет проследить уходящие в глубь веков корни, понять взаимосвязи, кое-что заново переосмыслить, уточнить. Недаром многие писатели погружаются в изыскания, свойственные скорее ученым, однако присущее литературе умение придавать сухим фактам яркую эмоциональную окраску — разумеется, в сочетании с правдивостью, идейной выверенностью, а не стремлением подогнать под собственную, подчас сугубо субъективную концепцию — рождает интересные, яркие произведения.

И тут невозможно не коснуться всегда больной и тревожной темы — книг о Великой Отечественной войне. Трудно, наверно, подсчитать, сколько их всего написано, да разве в количестве дело... Мне, участнику финской кампании, человеку, прошедшему бесконечными дорогами войны, понятны и близки чувства, вызвавшие к жизни произведения В. Быкова и Ю. Бондарева, В. Астафьева и Г. Бакланова, недавно пришедшего в литературу В. Кондратьева, стихи моих сверстников, которых, к несчастью, становится все меньше. Каждая строка рождается с кровью, потому что для нас война не просто воспоминание, это часть жизни, непродолжительная по времени, но вместившая в себя столько, что хватило бы на несколько людских веков. Ведутся порой споры о том, насколько оправдано право рожденных во время и после войны писать о ней: ведь знают они о событиях тех лет лишь по книгам, кинофильмам и рассказам очевидцев. Но как же можно не учитывать, что практически в каждой семье свято берегут похоронки, награды погибших, письма с фронта, что живы люди, детьми с утра до ночи работавшие у станка, отдававшие все для фронта, все для Победы. Если память народная вечна и благодарна, то как же писатель — пусть молодой, не переживший лично этой трагедии — может миновать ее, не посвятив войне, хотя бы опосредствованно, часть написанного им? Приведу в качестве примера Ю. Кузнецова, которого считаю талантливым, своеобразным поэтом. Его творчество вызывает много критических споров, однако поэту, на мой взгляд, удалось выразить свое, резко индивидуальное видение войны и тех последствий ее, которые были неизбежны.

ХОЧУ еще раз подчеркнуть, что быть писателем в России всегда было и почетно, и очень нелегко. В нашей стране, в наше время писатель стал фигурой, играющей чрезвычайно важную роль в духовной жизни общества. Самый читающий народ в мире — это не слова, это действительность, которая подтверждается день ото дня.

Каждый из нас получает письма, в которых содержатся порой такие критические разборы, что может позавидовать и профессиональный критик. Как правило, эти письма пишут люди, исполненные лучших побуждений, желания поделиться своими размышлениями, иногда подсказать что-то, иногда опровергнуть — если дело касается каких-то конкретных фактов, в которых допущена неточность.

Однако встречаются в почте и послания тех, кто почему-то считает себя вправе, приятельски похлопывая писателя по плечу, судить о его работе «от имени читающей публики». Такой корреспондент способен начисто перечеркнуть творчество не понравившегося ему автора: «Слишком сложен, нам такие не нужны!» Самое досадное, что такие, с позволения сказать, письма читателей появляются и в печати. Разумеется, они не только никакой пользы работе подвергнутого бичеванию литератора не приносят, но способствуют ненужным окололитературным разговорам, нервируют и обижают — ни для кого не секрет, что творческие люди очень болезненно воспринимают незаслуженные упреки, да и кому они могут нравиться!

За годы моей работы в журнале приходилось наблюдать различную читательскую реакцию на опубликованные произведения. Какие только отклики не приходили после выхода той или иной неоднозначной вещи! Некоторые товарищи считали своим долгом упрекать сотрудников в близорукости и недальновидности, в стремлении воспитывать «элитарность вкусов» и бог еще знает в каких смертных грехах. Я не хочу сказать, что все, напечатанное в журнале, отличается одинаковой степенью таланта, разумеется, можно найти, как и в любом другом периодическом издании, вещи уязвимые. Но мы стремимся знакомить читателя с лучшими образцами прозы, поэзии, мы стремимся к тому, чтобы критический раздел давал объективную оценку литературным явлениям. Как это получается — судить читателю, но читателю-другу, заинтересованному, доброжелательному; такой суд будет взаимополезен. Только уважительный, принципиальный разговор возможен в любой сфере человеческих отношений. Так учит нас партия. Как писал Леонид Ильич Брежнев в книге «Возрождение», опубликованной впервые на страницах «Нового мира», критика, прямая товарищеская критика, должна быть не голословной, а предметной, следовательно, конструктивной.

Почему я решил закончить свои раздумья взаимоотношениями с читательской аудиторией? Наверно, на этот вопрос ответ не нужен: читатель является «составной частью» жизни писателя, жизни литературы. Для него мы работаем.

Запись **Т. АРХАНГЕЛЬСКОЙ**

СЛОВА ПРОЩАНИЯ

Сергей Наровчатов... Он жил в стихах не просто своей жизнью, а жизнью времени. Буднично-героического времени. Повседневного и вечного времени.

Сергей Наровчатов... Это человек морозной лыжни где-то там, в карельских лесах, под пулями. Человек дерзкой юности и раннего мужества. Человек тяжелых дорог к Берлину, к Победе, к освобождению Европы. Человек большого страстного и в то же время сдержанного дара слова. Слова, в котором живет живое чувство корня языка, великого русского...

Чувство языка у него было особым чувством, а это и есть поэтический дар — особое чувство языка. Так, от чувства русского языка внимал он, скажем, «языку Польши». Это в его фронтовых стихах о Польше. Неповторимых стихах. Не знаю другого поэта, у которого были бы такие стихи, стихи выстраданные, стихи радостные от почти осязаемого чувства родственности языков — польского и русского.

Прекрасны его стихи о Севере, об океане, о нашем Дальнем Востоке. В них чувствуется первомысль поэта — охватить, обнять ею всю Россию, всю страну нашу словом. Необъятное объять. Это тоже говорит о величии поэта. Это познание Родины, познание мира вширь. Познание Родины вглубь — это исторические стихи Наровчатова, его поэма «Василий Буслаев». Сколько же лет он над этой небольшой поэмой работал! Сомнение и вера, вера и сомнение — вот на каком перевале, вот на каком переломе он находился. Озорство, удаль Буслаева, сила его необузданная — этого было мало для Наровчатова как художника и историка. Он верил, что за этим образом лежит и еще какая-то очень значительная черта. И он нашел эту черту. Нашел документально и художественно. Эта черта — государственность. Черта исторической необходимости. Это новое открытие Буслаева.

Тяжело, очень тяжело думать, что с нами уже не будет Наровчатова, не будет его доброй улыбки. Не будет его так вовремя и к делу сказанного слова, не будет его васильковых глаз, походки его не будет, вообще не будет Наровчатова физически. Но духовно он продолжится в нас, в его сверстниках, в его учениках, в нашем поколении и потом, после нас.

Егор ИСАЕВ

Поздний телефонный звонок донес страшную весть — умер Сергей Наровчатов. Боль утраты столь внезапна и велика, что я не могу даже в общих чертах передать сейчас, сколько неповторимо прекрасного ушло от нас с кончиной этого человека. Все литературное наследие большого писателя, все, о чем впоследствии расскажут его современники и литературоведы, — лишь часть его образа, столь богатого духовно, столь душевно щедрого.

Еще вчера я с радостным волнением ждал нашей традиционной встречи в Коктебеле, до которой, по нашим с Сергеем планам, оставалось всего десять дней. В памяти оживает вереница дружеских прекрасных коктебельских встреч до той первой, когда летом 1940 года нас, студентов Московского литературного института — С. Наровчатова, И. Баукова, М. Луконина, И. Куприянова и меня, — Союз писателей послал в Дом творчества в Коктебеле отогреться и отдохнуть после окончания короткой, но жестокой войны с белофиннами. Мы вернулись и радовались жизни. Но многие лучшие наши друзья остались в снегах Суоми.

После Великой Победы 1945 года мы вновь и вновь приносили к подножию Карадага драгоценное чувство верной солдатской дружбы, память о живых и мертвых, родившиеся стихи и песни.

Еще в далекие студенческие годы Сергей выделялся среди нас, его однокашников, широтой и основательностью знаний, глубоко разбирался в вопросах языка, литературы, истории. Особенно любил он историю Древней Руси. За три года учебы он параллельно окончил ИФЛИ и Литературный институт имени А. М. Горького. Он был во всем необыкновенно красив, искренен и удивительно честен.

В первые же послевоенные годы Сергей Наровчатов вошел в литературу как яркий, оригинальный талант. Чувство советского патриота-коммуниста, благородное чувство семьи единой нашего многонационального общества он утверждал всей своей жизнью, всей своей «звонкою силой поэта».

С годами творчество Сергея Наровчатова становится все шире, многограннее. Появились новые поэмы, очерки, книга «Необычное литературоведение». Он перешел к художественной прозе. Много работал как общественный деятель. Обладая безукоризненным литературным вкусом, он всем сердцем участвовал в литературном процессе, помогал товарищам по перу советом и делом.

В своем послевоенном стихотворении «Тетрадь» Сергей сказал обо мне: «Названый мой брат». А в 1978 году под таким названием в журнале «Октябрь» был напечатан большой очерк о нашей дружбе. Сейчас, в горький для меня час, в час утраты одного из самых дорогих и верных друзей, которых подарила мне судьба, я перечитываю правдивую повесть о дружбе нашего военного поколения. И все то доброе, что сказал Сергей о всех нас, с любовью и благодарностью отношу к светлой памяти названого моего брата Сергея Наровчатова. До конца дней моих остаюсь в долгу перед памятью моего бесконечно щедрого друга.

Платон ВОРОНЬКО

Жили трудно — и не только на войне, и не привыкли объясняться в любви друг другу. Но когда умирает любимое человеческое существо, вдруг понимаешь, что объясниться в любви к нему не успел. И хотя в смерть поверить невозможно, боль не становится менее мучительной.

Ушел из жизни Сергей Наровчатов.

На финской войне Сергей написал:

Ни у кого и ни за что
не спросим
Про то, что не расскажем
никому...

Но кажутся кривые сучья
сосен
Застывшими «зачем»
и «почему».

И снова ночь.
И зимний ветер снова.
Дорога непокорная узка...

О, смертная и древняя,
как «Слово»,
Как Игорь и как половцы,
тоска!

Он вообще первым или одним из первых «отвесно и твердо» посмотрел в историческую даль, сознавая одновременно, что нельзя идти вперед, глядя все время назад. У него было острое историческое чутье, способность вдуматься и вчувствоваться в перспективу происходящего. В самые тяжелые дни войны он написал стихи о том, что вернувшимся с войны будет еще тяжелей.

В молодости, когда бывало плохо, я шел в гости к родителям Сергея. Они жили отдельно. Они угощали меня чаем и говорили со мной, и я уходил счастливый, что родился в России среди таких людей. Все лучшее в Сергее и в его поэзии от благородной русской семьи, в которой он вырос. Главным в Наровчатове было чувство равенства со всем живущим независимо от цвета кожи и глаз. А его голубые русские глаза смотрели на мир отважно и милосердно.

В его характере, в личности была заложена истинно русская традиция, выстраданная Пушкиным, Некрасовым, Толстым, Достоевским, Блоком. Он был восприемником этой традиции. Ее наследником, а не рантье. Знал, что традиция не рента, что ее нельзя положить на срочный вклад, что с нее нельзя стричь купоны, что ее необходимо выстрадать, — и глубоко презирал того, кто, не обладая собственными добродетелями и достоинствами, поднимает свою ценность в своих и чужих глазах добродетелями и заслугами традиции.

Он не был коллекционером книг. У великой литературы должен быть великий читатель. Такой, как Сергей Наровчатов.

Пушкин считал высокую образованность первым существенным качеством всякого истинного поэта в России. Всей своей жизнью, всей деятельностью, всем творчеством Сергей Наровчатов доказал справедливость этого суждения.

Старая женщина библиотекарь сказала когда-то давным-давно: «За последние десять лет Сергей Сергеевич взял у нас книг больше, чем все члены секции поэтов, взятые вместе». Я не удивился, но подумал о том, что именно в эти годы Сергей тяжело болел. Причины на то были не физиологические. Он все понимал и чувствовал глубже и острее нас. Человек высочайшей образованности, он жил не только среди нас, грешных, — жил в истории и в культуре, и в великих этических учениях.

Помню, как в середине пятидесятых годов в Саратове, в Заречье, на вечере под открытым небом Сергей Наровчатов впервые читал стихи:

Это ты наплакала, напела,
Ведьма древнерусской
маеты,
Чтобы тот районный
Кампанелла
Метил во вселенские
Христы...

Кончались они так:

Никогда взыскующие Града
Не переведутся на Руси...

И где-то совсем рядом слышалась Волга.

Сергей Наровчатов на все реагировал и многое знал. Его стихи — это он сам, а не комментарии к себе. Бывают поэты, создающие много шума из ничего. Присутствие Наровчатова всегда мешало им.

Его избранная поэзия зиждется на том, КАК, то есть на таланте, на вкусе, «КАК» уже означает «О ЧЕМ».

«Истина рождается в споре»? Да, в споре с самим собой, со своим временем, с его предрассудками и проклятиями. Именно так рождалась истина Сергея Наровчатова.

С возрастом на лице особенно явно проступает душа. С возрастом его прекрасное лицо стало еще красивее, годы одухотворили былую красоту.

Еще вчера, несколько дней назад, Сергей выступал на вечере памяти Владимира Луговского. Он не мог стоять на ногах от нестерпимой боли. Но лицо было спокойным. Он выступил, и с трудом ушел со сцены, и вдруг заговорил со мной об историческом романе, который только что задумал, а материал собрался за всю жизнь. Он говорил так живо и бодро, что мне вспомнилось старинное речение: ткань рвется, а душа сильна, жива...

Земля, на которой живут такие люди, как Сергей Наровчатов, благословенна.

Александр МЕЖИРОВ